

Женская грамотность на Древней Руси: гипотезы и факты
Бенжамин Сатклифф, университет Майами
Оксфорд, США

В данном исследовании проблемы женской грамотности на территории Киевской Руси внимание сосредоточено главным образом на степени влияния древнерусской культурной ситуации на образованность женщин. На существование женской грамотности указывают несколько видов доказательств: в своем анализе мы рассмотрим историческое и палеографическое обоснование гипотезы о грамотности женщин в интересующий нас период с IX в. до середины XIII в. Материальные доказательства данной гипотезы одновременно подтверждают и усложняют ее. Субъективизм исследований на данную тему, их излишняя идеологизированность и скудость имеющихся материальных доказательств служат свидетельством отсутствия окончательного ответа на вопрос об образованности женщин, живших в указанную эпоху.

Хронологическими рамками нашего исследования являются Крещение русского народа в 988 г. и нашествие монголов на Киев в 1246 г. Особо значимыми в этот период стали взаимоотношения между вероисповеданием и обществом, между древнерусской и византийской культурой и между грамотностью и социальным статусом. Есть и еще один важный фактор, который необходимо учесть в нашем анализе: ограниченные возможности женщин в древнерусском обществе.

Женская грамотность: проблемы историографии

Рассмотрение проблемы грамотности, как уже упоминалось выше, осложнено отсутствием веских доказательств. Как замечает Саймон Франклин, это и есть основная трудность исследования умения писать и читать у женщин и мужчин. Франклин делает

вывод, что нехватка доказательств говорит о скромном месте письменности в культуре Древней Руси: “The accumulated evidence forces us to conclude that there was no significant relationship between literacy and documentation, because while lay literacy did indeed flourish (within limits), the supposed "administrative requirements" simply did not exist. Literate laymen [. . .] did not use writing as an "official" or formal part of the proceedings, as record, as authentication, as a means of storage and a device for convenient retrieval, as a replacement for memory” (Франклин 1985, 36).

Грамотность не была эквивалентом устного общения. Франклин предполагает, что деловая переписка служила лишь своего рода дополнением к устным договорам, но не заменяла их. Можно говорить о наличии определенного уровня грамотности, однако не следует искать его в официальных документах, которые занимали скромное место в письменной культуре Древней Руси. Этот факт представляется особенно важным в отношении женщин, которые имели доступ лишь к ограниченному числу документов.

Еще одна проблема—вопрос о взаимосвязи православия и грамотности. По причине известного «грамотоцентризма» христианства, после крещения Руси письменная культура и религия стали оказывать положительное влияние друг на друга. Духовенство хотело сохранить то небольшое количество документов, о которых упоминает Франклин. Что касается непосредственно женской грамотности, влияние на нее православия амбивалентно. С одной стороны, власть Церкви над образованием давала возможность обоим полам стать грамотными. Вместе с тем, однако, Церковь ограничивала нормы поведения: местом женщины был семейный очаг, что не обязательно предполагало наличие книги в ее руках.

Но Православная Церковь не осуждала женскую образованность. Как замечает Н. Пушкарева, церковь, через «Повесть временных лет», рассказывает легенду Ольги,

которая обманула византийского императора благодаря знанию православного вероучения (Пушкарева 1997, 9). Ольгино знание православной догмы свидетельствует о высокой степени образованности княгини.

Светское общество также влияло на женскую грамотность сложным образом. Можно обозначить несколько подходов в рамках российской научной традиции исследования грамотности. Первый подход, которого придерживались ученые в дооктябрьский период, базируется на противопоставлении развитой древнерусской культуры застою, возникшему на территории Киевской Руси после монгольского нашествия. В центре внимания этой концепции – мысль об отсталости русской культуры как печальном итоге татарского порабощения. Пушкарева описывает, как кочевники уничтожали библиотеки и монастыри, где хранились документы (Пушкарева 1997, 19). Она допускает возможность существования значительного количества документов до нашествия монголов; эти документы, по мнению Франклина, не имели важного значения в контексте древнерусской культуры.

Во времена татарского ига, как замечает Пушкарева, хроники писали о женщинах как о жертвах похищений и насилия (Пушкарева 1997, 20). Такое описание, конечно, отражает женский быт в данную эпоху, и Пушкарева, приводя его в своей книге, делает большой вклад в историческое изучение особенностей жизни русских женщин. Вместе с тем, в описании Пушкаревой женщины предстают как наиболее пассивная часть населения в период, когда и мужчины, и женщины страдали. Идеи Пушкаревой о статусе женщин в монгольский период могут быть связаны с точкой зрения дореволюционного историка Е. Лихачевой, которая пишет о том, насколько сильно и пагубно влияло ордынское иго на русский народ. Из-за такого опыта, как замечает Лихачева, в средневековье русские приняли ограничение общественных возможностей женщин и

девушек (Лихачева 16-17). Историк заключает, что при гипотетическом отсутствии ига женское образование и женская активность в социальной жизни процветали бы.

Ив Левин, которая долго работала с Пушкаревой и также занималась исследованием духовной истории русских женщин до нового времени, фактически придерживается мнения, противоположного идеям своей коллеги. В диссертации о роли женщин в средневековом Новгороде Левин приходит к выводу, что татаро-монгольское иго—очередной ложный фактор, якобы объясняющий статус женщин в данную историческую эпоху.

The dominant opinion attributed the Russian disdain of women to the combined influences of the Byzantine Church fathers and the barbaric Mongols. Women's position, they concluded, declined precipitously from the thirteenth century, and reached a nadir in the sixteenth. [Еще одна теория] exonerated the Mongols, and instead blamed primarily Muscovite autocracy and secondarily Christianity. [. . .]. The theory of declines rests on the assumption that women had a higher status in the centuries before Christianization.

(Левин 1982, 2)

В своей книге «Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs» Левин критикует гипотезу о женоненавистнической политике Православной Церкви. Она рисует более сложную картину и отрицает ответственность как Православной Церкви, так и Золотой Орды за низкую степень активности женщин в жизни средневекового общества. Наше исследование только косвенно затрагивает историографический образ Церкви и монгольского ига, однако представляется необходимым учитывать, насколько важен поход, отвергаемый Левин, для других историков, занимающихся женской грамотностью (Пушкарева, Лихачева).

При советской власти исследователи вопроса об образовании на Древней Руси поддерживали, по крайней мере чисто формально, марксистскую концепцию о культуре как выражении классовой борьбы. В рамках такого подхода ярко проявлялась еще одна советская тенденция рассмотрения «древнерусской культуры [. . .] в контексте общих социально-экономических и политических процессов, определяющих ход отечественной истории» (Днепров и др., 16). Для некоторых советских историков, «советская» история была синонимом «отечественной» (т.е., «русской») истории: она должна была отражать прогрессивное движение русского народа к Великой октябрьской революции. Понятно, что в контексте такого мировоззрения поиск доказательств женской грамотности не был приоритетным. Это стало впоследствии причиной глубокого убеждения в том, что древнерусские женщины были пассивны и необразованы. Пушкарева и Левин опровергают такое ошибочное предположение.

И дореволюционные, и советские ученые использовали историю как плацдарм для разработки теорий о национальной идентичности. В таком контексте женщины играли едва заметную роль—их присутствие сводилось к отражению либо «примитивной» восточности, либо «особой судьбы» русского народа. Образ угнетенной женщины средневековья нужен Лихачевой лишь для того, чтобы показать трагедию народа, который отстал от «современного» Запада из-за монголов. Лихачева делает вывод, что благодаря анализу образа женщины можно увидеть, насколько развитие русского общества отличается от развития других стран. Женщина как индивид не интересует исследователя в рамках такой системы. Думается, такие «общие» подходы к изучению женщин Древней Руси часто игнорируют повседневную жизнь женщины (т.е., личность, образование).

Есть и третий подход к изучению женской истории - гендерный подход. В его основе - анализ противоположных полов с социальной точки зрения. Например, Софи

Сатина в своем очерке «Education of Women in Pre-Revolutionary Russia» критикует Жюль Мишеле за то, что у него слишком оптимистическая картина средневекового женского быта—Сатина пишет, что такой взгляд на историю лишь укрепляет мужскую власть над женщинами (Сатина 3). Однако, Лихачева в своей книге «Материалы для истории женского образования в России (1086-1796)», одном из источников очерка Сатиной, цитирует Мишеле, описывающего жизнь женщин в средневековье как «сущий ад» (Лихачева 13). Разница позиций Лихачевой и Сатиной указывает на то, что и у гендерного подхода есть собственная цель в историографии: доказать продолжающееся неравенство по половому признаку.

Идеологизированность исследований и скудость материальных доказательств грамотности древнерусских женщин позволяют говорить о субъективизме работ, посвященных данной теме. Рассматривая вопрос о женской грамотности, мы сосредоточим основное внимание на распространении грамотности в высших слоях общества. Тем не менее, также важно будет отметить предположение Франклина о том, низшие слои населения тоже обладали значительным уровнем грамотности, что наделяло их возможностью не только давать указания неграмотным писцам, но и читать и писать в быту (Франклин 1988, 11).

Такое предположение не противоречит аксиоме Франклина о существовании в древнерусской культуре довольно скромного количества документов. Составители таких бумаг, как и большинство грамотных людей, не придавали процессу письма особенного значения. Одной из причин такого отношения можно считать сам язык. Если бы древнерусский народ воспринимал письменный язык как «чужой» (таковым, например, было положение латинского языка на Западе), им бы не пользовались в неофициальных жанрах: письмах, эпитафиях и надписях (Франклин 1988, 11).

Грамотность, как и Православие в XI-XII вв., была городским феноменом—монастыри, центры образования находились недалеко от городов (Франклин 1988, 27). Широкое распространение грамотности стало одной из основных предпосылок принятия христианства. В. Верещагин и В. Вомперский связывают древнюю грамотность с христианством, предполагая, однако, что и то, и другое получило быстрое развитие еще в домонгольский период. По их мнению, «литературный язык на Древней Руси стал также средством массового просвещения и нравственного воспитания народа» (Верещагин и Вомперский 90). Термин «литературный язык» не совсем удачен для контекста сложной лингвистической ситуации, сложившейся на Древней Руси. Тем более, как известно, Крещение Руси было довольно длительным процессом—ни Православие, ни грамотность не были установлены в одночасье.

Датировка (хотя бы приблизительная) появления грамотных людей на Древней Руси—очень спорный вопрос. Л. Жуковская утверждает, что древнерусский народ получил грамотность от греков и, при этом, до Крещения Руси. Болгарский монах Черноризец Храбр замечает, что население читало книги на греческом языке с первых веков существования Киевской Руси до середины IX в. (Жуковская 15). В. Кусков убедительно доказывает, «что письменность стала известна на Руси задолго до принятия христианства» (Кусков 126). Надписи на глиняном сосуде, обнаруженном при раскопках Гнездовых курганов, заметки арабских путешественников и присутствие образованных людей и религиозных книг в период Крещения, - все указывает на существование древнерусской грамотности до 988 г. (Кусков 127-128). В том числе, были и грамотные женщины, как свидетельствует болгарский сборник X в. «Златоструй», известный на Киевской Руси: «Но молю вы, возлюблении, аще и богат еси, и нищ, аще и раб, аще и свобод, аще и мужиск пол, аще и женск, но вси пытайте книг. Святыи бо книги съкровище

суть» (Кусков 131). Пушкарева также полагает, что был некий уровень женской грамотности до Крещения Руси: Ольга знала церковный закон и перестроила систему дани в государстве—такие результаты были бы недостижимы без наличия навыков чтения (Пушкарева 1997, 9).

Генрик Бирнбаум, напротив, отвергает предположение о распространении грамотности до принятия христианства. Он настаивает на том, что «There can today no longer be any doubt as to the fact that literacy, i.e., the skill—rather than the art—of reading and writing, only reached Old Rus' on a significant scale with the advent of Christianity» (Бирнбаум 167). Бирнбаум цитирует источники и отрицает такие «неубедительные» доказательства, как описание грамотности в «Слове о полку Игореве», договоры X в. между древнерусским и византийским государством, надписи в Гнездове, на которые обращает внимание Кусков, и отрывки из биографии Константина (Бирнбаум 168).

Бирнбаум определяет грамотность как умение, а не художественное мастерство—в своем анализе мы также опираемся на это определение, хотя нам представляется возможным существование грамотности и до 988 г. В этом контексте важно мнение Франклина о том, что письменный текст лишь дополнял основные устные договоры и т.д. Таким образом, мы можем сказать, что Древняя Русь как до, так и после Крещения, была грамотной, и что устное общение играло самую значительную роль в древнерусском быту, несмотря на то, что некоторые люди умели писать.

Образование женщин: частная и общественная сферы жизни

Рассмотрев круг проблем, связанных с изучением грамотности на Древней Руси, сейчас мы можем более подробно остановиться на характеристике древнерусских «образовательных учреждений». После Крещения Руси было три места, где женщина

могла получить образование: монастырь, училище и дом (домашнее обучение). Мы больше знаем о первых двух, часто упоминавшихся в исторических документах. Пушкарева и Сатина согласны в том, что в Киеве в 1086 г. была построена первая школа для девушек при Андреевском монастыре (Сатина 12; Пушкарева 1989, 28). Лихачева называет школу «училищем» и считает этот год начальным в истории (древне)русского женского образования (Лихачева 1-2). Анна Всеволодовна, основательница этой школы, сама получила домашнее образование: мать ее была византийской принцессой и скорее всего хотела продолжать культурную традицию своей страны, обучая девушек на дому (Пушкарева 1989, 28).

Что касается женского образования в училищах или монастырях, самый известный пример—это Евфросиния Полоцкая. Хорас Дуюй и Анн Клеймола описывают как девушка Евфросиния, несмотря на большое количество перспективных женихов, убежала из дома в монастырь (Дуюй и Клеймола 191-192). Лихачева дает другой, менее «феминистический» вариант: жених Евфросинии умер, после чего девушка переехала в монастырь (Лихачева 20). Позже она обманула отца, что дало возможность ее сестре пожить в монастыре и стать грамотной, как Евфросиния. Много раз она убеждала молодых женщин бросить семью ради жизни в монастыре, и последовавшие ее совету женщины впоследствии получали монастырское образование.

Пример Евфросинии наглядно демонстрирует, насколько грамотность была связана с духовной жизнью и независимостью. И грамотность, и Православие в контексте данной истории дают женщине возможность устроить собственную жизнь вопреки воле родителей. Евфросиния была настолько почитаема на Древней Руси, что ее имя многократно упоминалось в православных текстах, невзирая на факт, что ее дар убеждения заставлял девушек покидать семьи и пренебрегать волей родителей.

Пушкарева также отмечает, что в XII-XIII вв. возникали монастырские школы, основательницами которых были женщины княжеского сословия или обладательницы духовного сана (Пушкарева 1989, 28). Интересно, что указание на такое прогрессивное развитие грамотности подрывает теорию Сатиной о том, что грамотность в XI в. была более распространенным явлением, нежели в XIII-XIV вв. (Сатина 12). Хотя и можно предположить, что число образованных людей, вероятнее всего, сократилось к XIV в. Под воздействием ига, нельзя заявить с уверенностью, что такая же ситуация наблюдалась уже в XIII в. Татарское нашествие 1246 г. не сразу сказалось на уровне образованности людей—его влияние было постепенным.

Домашнее образование было еще одной возможностью для девушек, желавших научиться чтению и письму. По понятным причинам, такой способ получения образования нашел менее широкое отражение в исторических документах. Однако, можно предположить, что Евфросиния, Анна и Ольга стали грамотными дома. Здесь важно вспомнить о наличии значительного уровня грамотности до Крещения, в деле достижения которого домашнее образование, вероятно, сыграло свою значительную роль.

Материальные доказательства женской грамотности

Существует шесть типов материальных доказательств женской грамотности: берестяные грамоты, пряслица, деловые и административные документы, печати, библиотеки и надписи.

Новгородские берестяные грамоты являлись своеобразной почтовой перепиской, и, благодаря многочисленным работам В. Янина и других ученых, они стали самым известным доказательством существования грамотности на Древней Руси. Более 700 грамот было найдено в Новгороде и других городах; их можно датировать первой половиной XI в. - второй половиной XV в. (Уорт 1990, 439). Как замечает Франклин, лишь

небольшая часть этих грамот была написана женщинами (Франклин 1985, 6-7). А. Медынцева, однако, предполагает, что «грамота в средневековом Новгороде была [широко] доступна <...> женщинам», и ссылается на наличие грамот, написанных не только знатными женщинами, но и простыми ремесленницами и т.д. (Медынцева 67-68).

Мы исключаем берестяные грамоты из нашего анализа женской грамотности на Киевской Руси. Во-первых, на юге Руси было сравнительно мало березовых лесов, а, следовательно, и материала для изготовления грамот. Кроме того, древние грамоты сохранились в южной почве значительно хуже, чем в северных новгородских землях (Франклин 1985, 8). Может быть в Киеве местное население и писало грамоты, но они не дошли до наших дней. Вторая проблема, возникающая вместе с любой попыткой рассмотрения грамот—проблема установления авторства. Неграмотная женщина могла диктовать сообщение родственнику или писцу, который впоследствии передавал бы грамоту адресату.

Деловые и административные документы являются вторым типом свидетельств существования женской грамотности. Как отмечает Франклин, споры вокруг любого из этих документов кажутся мелочью, по сравнению с более общей проблемой: сохранилось очень мало административных документов (Франклин 1985, 17). Эти документы как доказательства женской грамотности представляют дополнительную сложность для исследователя. Пушкарева, Левин и Лихачева описывают женщин-политических деятелей, которых было очень немного. Как следствие, женщины упоминались в документах значительно реже, чем мужчины.

Самый известный документ, служащий доказательством грамотности древнерусских женщин,— это подпись Анны Ярославны. Став женой французского короля Генриха I, она подписывала важнейшие государственные документы; она знала латынь и

даже получила похвальное сообщение от папы римского на этом языке (Пушкарева 1997, 13). Как замечают и Пушкарева, и Кусков, бывшая киевская княгиня умела писать, а ее супруг и другие знатные люди Франции лишь ставили крестики вместо букв (Пушкарева 1997, 13; Кусков 132). Такой резкий контраст не случаен: грамотность Анны Ярославны - символ активного развития Древней Руси, в противовес варварской Франции. Как мы уже отмечали, часто в историографии образ женщины важен лишь для поддержания той или иной идеологии или подхода.

Франклин утверждает, что не все документы писались на пергаменте или бересте. Запись о Бояновой земле, например, запечатлена на стене Софийского собора в Киеве. Этот случай свидетельствует о незначительной роли письменного текста в устной культуре: запись зафиксировала договор, который, скорее всего, был заключен в устной форме между продавцом и покупателем (Франклин 1985, 25). Мы вернемся к этому документу в дальнейшем разговоре о различных надписях, сделанных на стенах Софийского собора.

Изучение третьей группы доказательств женской грамотности—печатей—сталкивает исследователя с трудностями, сходными с теми, которые возникают при изучении берестяных грамот. Печати отнюдь не доказывают грамотности хозяина или хозяйки. Неграмотная княгиня могла приказать кому-нибудь сделать ей печать с личным знаком и потом использовать ее, чтобы доказать, что тот или иной текст ею якобы прочитан. Следовательно, когда Пушкарева говорит о большом количестве печатей, речь идет скорее о бытовых хитростях, нежели собственно о грамотности. Такие печати были у Предславы и других древнерусских княгинь (Пушкарева 1997, 17).

Важно помнить замечание Франклина о том, что власть не предполагает наличие грамотности, вместе с тем необходимо отметить, что нередко высокопоставленные

женщины умели читать и писать. Язык здесь представляет собой отдельную проблему: большинство слов на печатях то ли славянского, то ли греческого происхождения, хотя сами буквы славянские. Необычен лексический состав этих источников: на печатях в изобилии представлена лексика казенных документов, чуждая древнерусскому народу. Чтение на фактически иностранном языке не соответствует тому типу грамотности, который Франклин приписывает киевской культуре (Франклин 1985, 26).

Существование частных библиотек является более весомым доказательством распространения грамотности на Руси в рассматриваемый период. Пушкарева замечает, что у нескольких женщин в это время были хорошие домашние библиотеки: например, в библиотеке Олисавы была Трирская псалтырь (Пушкарева 1989, 29). Наличие таких библиотек, несмотря на их небольшой объем, позволяет говорить о грамотности и богатстве их владелиц.

Исследование Медынцевой предлагает еще один тип доказательств: надписи на шлиферных пряслицах. Было найдено около 30 надписей—большинство из них относится к XI-XII вв. (Медынцева, 52). Пряслица были в древнем Киеве, Новгороде и других городах. Медынцева считает, что «надписи на пряслицах—специфических предметах женского обихода [. . .] предполагают грамотность не только их владелиц, но и дарителей и дарительниц» (Медынцева 52, 68).

Граффити в Софийском соборе в Киеве составляют последнюю группу доказательств. С. Высоцкий отмечает, что существует около 300 надписей—из них три граффити скорее всего были написаны женщинами (Высоцкий 1976, 88). Мне кажется, что грамматические особенности употребления рода в этих надписях и их содержание указывают на то, что мы можем включить в эту группу еще три граффити. Надписи относятся к периоду XI-XIV вв.—их датировка, как правило, зависит от типа начертания

букв или темы (Высоцкий 1966, 138). Из трех женских граффити одно представляет собой памятную запись, а два другие - благопожелательные записи.

И мужчинам, и женщинам разрешалось молиться в этом храме, где были отдельные пределы для обоих полов (Высоцкий 1966, 73). Там были надписи на разных языках, но Высоцкий исследовал только те из них, которые были сделаны на древнерусском; вполне возможно, что в соборе есть и другие женские граффити (Высоцкий 1966, 141; Высоцкий 1976, 438).

Самая ранняя надпись—двадцать седьмая, по системе Высоцкого. Надпись, которая называется «Запись о Бояновой земле» вероятно относится к X в. Мы можем предположить, что социальный статус автора, которым, скорее всего, была княгиня Всеволодова, довольно высок: она купила землю, и при этом присутствовали знаменитые люди (Высоцкий 1966, 64). Как замечает Франклин, запись нельзя назвать документом в современном смысле слова, это скорее письменное отображение устного договора. Есть одна сложность, связанная с надписями: почти всегда княжеские граффити не писались самими князьями и княгинями, в то время как граффити людей, занимавших более скромное социальное положение, писались этими же людьми (Франклин 1985, 9). Как и в случае с берестяными грамотами, мы не можем быть уверены, что автор не нанимал грамотного посредника.

Шестидесятая надпись, по системе Высоцкого—благопожелательная надпись. Текст ее невелик: «Господи, помози рабе своей Агафье». По характеру начертания букв можно определить, что время возникновения надписи - XIII в. Высоцкий уверен в том, что автор—женщина, так как надпись находится в «женской» части собора. С X по XII в. место, где находится надпись, не было доступно простому народу, но в XIII в., в хаосе монгольских нашествий, такие запреты не имели большого значения. Следовательно, мы

не можем определить социальный статус Агафьи – она либо принадлежала к высшим слоям общества, либо занимала более скромное общественное положение (Высоцкий 1966, 100-101). Такие неясности приводят в негодование Франклина, который замечает, что все идеи о социальном статусе авторов граффити придуманы учеными, а не представлены самими надписями (Франклин 1985, 12).

Третья надпись—по системе Высоцкого 194—совсем загадочная. Автор обозначен здесь лишь через грамматический род. Граффити составляют несколько коротких фраз, которые Высоцкий переводит как: «Святая София, ибо грешна, спожь сво...» Автор может быть женского пола, раз написано слово «грешна». Но еще возможно, что это лишь часть другой фразы, включающей, например, слово «грешнаго» (Высоцкий 1976, 88). Возможно, граффити нельзя разобрать из-за церковной цензуры (Высоцкий 1966, 139).

Существование цензуры поднимает другой вопрос. Может быть были другие женские надписи, которые подверглись уничтожению? Возможно, содержание таких сообщений (или любые женские граффити) особенно не нравилось цензорам. За отсутствием таких надписей, подвергшихся цензурному редактированию, вопрос остается открытым.

Есть еще три граффити, которые, судя по их содержанию, могли быть написаны женщинами, однако доказать это сложно. Сорок шестое граффити было написано в XII в.: «Святой Онуфрий, моли Бога милостивого за рабу свою Елену и... помощи... рабу своему Фсыпорови, аминь». Автор либо Елена, либо Фсыпоровь, либо третье лицо (Высоцкий 1966, 91). Сто пятнадцатое граффити также относится к XII в., его текст невелик: «Анна, Лука» - ни его место в соборе, ни палеографические доказательства не дают точного представления о его авторе (Высоцкий 1976, 40). Последняя надпись—сороковая, по

системе Высоцкого,—также фрагментарна: «Господи и боже наш, те [. . .] ла женам». Здесь невозможно узнать, чего именно автор желает для женщин (Высоцкий 1976, 55).

Рассмотрев софийские надписи и прочие доказательства, можно подтвердить существование значительного уровня женского образования на Древней Руси до и после Крещения. Грамотность была, скорее всего, городским феноменом, развивавшимся в условиях, где было богатство, образование и, после 988 г., Православие. Женщины из состоятельных семей имели доступ к образованию, но это вовсе не значит, что они обязательно становились образованными. Пряслица и граффити свидетельствуют также о существовании грамотных женщин и в других слоях древнерусского общества.

Для женщин и мужчин грамотность была связана с политической деятельностью (Анна Ярославна), Православием (Евфросиния), деловыми отношениями (автор «Запись о Бояновой земле») и личными нуждами (Софийские надписи). Еще недавно история женщин была лишь частью историографических исследований, посвященных «более важным» вопросам. Сейчас понятно, что такой подход к изучению истории затемняет роль женщин. Хочется надеяться, что несмотря на многие проблемы, возникающие при изучении этой темы, ученые будут продолжать исследовать данный феномен, столь важный для древнерусской и мировой цивилизации.

Список литературы

Бирнбаум, Г. Henrik Birnbaum. "Orality, Literacy, and Literature in Old Rus'." *Die Welt der Slaven* 30:1 (1985): 161-196.

Верещагин, Е.М. и В.П. Вомперский . «И стала Киевская Русь «ведома и слышима всеми». *Русская речь* 4 (1988): 88-94.

- Высоцкий, С. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 1966.
- Высоцкий, С. *Средневековые надписи Софии Киевской.* Киев: Наукова думка, 1976
- Днепров, Е.Д., Р.А. Симонов, В.Л. Янин. *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР.* М.: Педагогика, 1989.
- Дуюй, Х. и Анн Клеймола. Horace Dewey and Ann Kleimola, "Muted Eulogy: Women Who Inspired Men in Medieval Rus'." *Russian History* 10:2 (1983): 188-200.
- Жуковская, И.Л. «Письменность в древнейшем Киеве». *Русская речь* 2 (1982): 12-19.
- Кусков, В. *Эстетика идеальной жизни. Избранные труды.* М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.
- Левин, И. Eve Levin. *The Role and Status of Women in Medieval Novgorod.* Ph.D. thesis. Indiana University, 1983.
- Левин, И. Eve Levin. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700.* Ithaca: Cornell University Press, 1989.
- Лихачева, Е. *Материалы для истории женского образования в России (1086-1796).* СПб: М. М. Стасюлевича, 1890.
- Медынцева, А. *Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X—первой половины XIII века.* М.: Наука, 2000.
- Пушкарева, Н. *Женщины Древней Руси.* М.: Мысль, 1989
- Пушкарева, Н. Natalia Pushkareva. *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century.* Trans. and ed. Eve Levin. Armonk: M. E. Sharpe, 1997.
- Сатина, С. Sophie Satina. *Education of Women in Pre-Revolutionary Russia.* Trans. Alexandra F. Poustchine. New York: [n. p.], 1966.

Уорт, Д. Dean S. Worth. "The Birchbark Letters in Time and Space." *Wiener Slavistischer Almanach* 25-26 (1990): 439-450.

Франклин, С. Simon Franklin. "Booklearning and Bookmen in Kievan Rus': A Survey of an Idea." *Harvard Ukrainian Studies* 12-13 (1988-1989): 830-848.

Франклин, С. Simon Franklin. "Literacy and Documentation in Early Medieval Russia." *Speculum* 60:1 (1985): 1-38.